

бы эффективно и долго руководить государством. Постоянная смена премьер-министров негативно сказывается на развитии японо-американских связей, что напоминает картину двусторонних отношений после ухода Дз. Коидзуми. Можно предположить, что пока лидеры будут озабочены вопросами поддержания популярности, они вряд ли будут способны принимать неоднозначные решения по ключевым вопросам внешней и оборонной политики. Кроме того, из-за частой смены политического руководства в Японии невозможно создать условия для постоянного контакта на высшем уровне, укрепления личных связей и построения действительно доверительных отношений.

Новые моменты в развитии японо-американского военно-политического союза

Д. В. Стрельцов

После окончания биполярной эпохи японо-американский «договор безопасности» приобрел новый смысл существования. Особенностью японо-американского договора явилась определенная его «неполноценность» по сравнению с сетевым форматом обеспечения безопасности, например, блоком НАТО. Уровень стратегического интегрирования Японии в америкоцентристскую систему безопасности в послевоенный период продолжал оставаться на порядок ниже, чем у стран НАТО, в отличие от которых Япония официально отказывает США в размещении на своей территории ядерных средств и воздерживается от создания каких-либо форм совместного с Пентагоном военного командования, участвует в военных действиях лишь при непосредственной угрозе своему суверенитету. В целом же этот договор составлял один из несущих элементов пресловутой «системы оси и спиц», в рамках которой Вашингтон заключает серию двусторонних военных и военно-политических договоров с ключевыми союзниками в восточноазиатском регионе.

Со второй половины 1990-х гг. на фоне военного и экономического подъема Китая, и в особенности проводимой им политики технической модернизации вооруженных сил, роль и функции японо-американского военно-политического союза подверглись серьезной модификации. Союзники стали рассматривать рост военной мощи Китая как фундаментальный вызов, требующий выработки стратегии сдерживания. Пентагон приступил к реализации стратегии «огораживания», предполагающей перенос центра активности военно-морских сил из Атлантического океана в Тихий, фундаментальную перегруппировку войск и изменение структуры военных баз с учетом китайского фактора. Одновременно для укрепления своих позиций в Восточной Азии Вашингтон взял курс на то, чтобы оптимизировать систему двусторонних договоров безопасности, повысив уровень военного вклада своих стратегических союзников и обеспечив большее равноправие в системе оперативного и стратегического взаимодействия с ними.

В то же время трансформировалось и восприятие значимости Японией военного союза с Америкой. В Токио стали ощущать прямую военную угрозу от Китая, который из категории «партнера» и «ответственного акционера» переместился в категорию «военного соперника».

Особенно быстро этот процесс пошел после событий сентября 2010 года, когда Пекин оказал на Токио беспрецедентное военно-дипломатическое давление в связи с обострением ситуации вокруг островов Сэнкаку. Переоценка КНР происходила не только на уровне политического руководства, но и в сознании рядовых японцев, которые стали испытывать ощущение прямой военной опасности.

Новый уровень сотрудничества в военно-стратегической сфере стал фиксироваться в ходе ежегодных совещаний по вопросам безопасности с участием министров обороны и иностранных дел (формат «два плюс два»). В июне 2011 г. стороны открыто выступили за налаживание многостороннего взаимодействия в сфере безопасности с Австралией, Южной Кореей, Индией и другими странами, что явилось собой новый момент в стратегии безопасности в контексте обозначенных в совместном заявлении общих военных угроз.

Постепенно Япония начала наращивать уровень не только оперативно-технического, но и военно-стратегического взаимодействия с партнером по союзу. Это выражалось, в частности, в развитии новых форм оперативного планирования и координации действий с Соединенными Штатами. Например, на американской базе ВВС Йокота Япония и США развернули совместный пункт управления противовоздушной обороны, на котором работают офицеры «сил самообороны» и ВВС США¹. Расширяется зона ответственности Японии и за совместное патрулирование морских коммуникаций, которая сейчас уже охватывает зону до Тайваньского пролива.

О достигнутом уровне координации можно судить по операции «Томодати» («Друзья»), проведенной военными двух стран после катастрофы 11 марта 2011 г. Если ранее взаимодействие отрабатывалось в основном в ходе военных учений, то теперь, пожалуй, впервые за всю историю оно позволило говорить о полномасштабной совместной операции с участием всех родов войск. Японские вертолеты базировались на американских авианосцах, американские боевые корабли перевозили к району бедствия персонал «сил самообороны» и спасательную технику. Для обеспечения взаимодействия на оперативном уровне стороны обменялись офицерами связи.

Япония продолжала развивать совместно с США систему Противоракетной обороны Театра военных действий (ПРО ТВД), основанную на противоракетных средствах защиты морского и наземного базирования. Данная система стала разрабатываться после 1998 г., когда Пхеньян осуществил пуски баллистических ракет «Тэпхдон», перелетевших остров Хонсю и упавших в открытом море. В рамках данной программы на четырех эсминцах военно-морских «сил самообороны» были установлены современные противоракетные системы «Иджис»,

имеющих в своем составе ракеты SM-3, а на территории страны – несколько противоракетных комплексов РАС-3. Япония активизировала усилия по развитию совместных с американцами систем радарного наблюдения. Программа ПРО предусматривает совместные разработки противоракетных систем нового поколения и модернизацию ракетных комплексов SM-3. В рамках программы ПРО ТВД в военно-морские «силы самообороны» должны поступить от четырех до шести эсминцев с новейшими противоракетными комплексами «Иджис», способными сбивать северокорейские ракеты класса «Нодонг».

В рамках союзнических отношений решался вопрос о закупках Японией в США новейших истребителей пятого поколения. Вопрос об оснащении ими «сил самообороны» возник в связи с существенным изменением военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии, где Китай и Россия – страны, в той или иной степени причисляемые Токио к категории потенциальных военных соперников, активно разрабатывают и разворачивают истребители с функциями «самолета-невидимки». Свою роль играло и то обстоятельство, что Япония встала перед необходимостью постепенной замены своих устаревших истребителей F-4 и F-15.

Первоначально Токио планировал заменять их истребителями пятого поколения F-22 Raptor. Однако действующее законодательство США (поправка Обей) запрещает экспорт этих видов вооружений. Юридическую проблему составляют закупки F-22 и для самой Японии, которая в силу конституционных ограничений не может иметь вооружения, имеющие наступательный характер. После длительных дебатов Япония приняла в декабре 2011 года решение закупить истребители F-35 Joint Strike Fighter компании Lockheed Martin. Первые четыре самолета, каждый из которых обойдется Токио по 9,9 млрд иен (около 121,62 млн. долл.), должны поступить на вооружение к марту 2017 г.² Общие затраты японской стороны на закупку истребителей при этом могут, как считают специалисты, составить около 13 млрд. долл. Предполагается, что к середине 2020-х гг. Япония получит около 40 истребителей³.

Выбор в пользу данного вида истребителя был сделан, исходя из следующих соображений. Во-первых, он имеет лучший уровень технической оснащенности и защищенности от обнаружения радарными, а также иные технические характеристики, выгодно отличающие истребитель от конкурентных моделей, в частности, F/A-18 Hornet и Eurofighter Typhoon. Во-вторых, соглашение с американцами обеспечивает допуск японских компаний к участию в операциях по сборке, техническому обслуживанию и модернизации самолета – общий вклад японцев в производство истребителя оценивается в 40%, а это, как ожидается,

¹ http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens

² Japan Times 22.12.2011.

³ http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/05/02/japan_awakens

даст существенный толчок национальной промышленности. Особенно высоко японцы оценили тот факт, что компания «Lockheed» согласилась в интересах технологического сотрудничества с Японией передать партнерам абсолютно секретную информацию по конструкции фюзеляжа самолета. Это обстоятельство позволяет японским компаниям участвовать в передовых военно-технических разработках, которые могут быть применены в национальном самолетостроении. Например, концерн «Mitsubishi Heavy Industries» рассчитывает использовать их в производстве новейшего истребителя Shinshin.

В-третьих, играют свою роль и военно-политические соображения, в частности, тот факт, что F-35 принимается на вооружение в армиях основных военных союзниках Токио по региону – США и Австралии. Закупки истребителей, кроме того, служат задаче улучшения стратегических отношений с американцами, которые после 2009 г. переживали определенный кризис, связанный с нерешенностью проблемы базы Футэмма. Наряду с операцией «Томодати» сделка по F-35 мыслится во многом в качестве символического шага, олицетворяющего прогресс в отношениях между союзниками.

В 2000-е гг. определенную проблему для военно-политического союза с Америкой представляет вопрос о выполнении Японией в полном объеме ее финансовых обязательств по обеспечению работы американских военных баз, размещенных на ее территории. Япония оплачивает значительную (около трех четвертых от общей суммы) часть расходов по жизнеобеспечению американских военных объектов, а также заработную плату занятых на них примерно 25 тыс. японских граждан. Общая годовая сумма расходов по статье «финансовые обязательства принимающей стороны» составляет около 188 млрд. иен (или 2,2 млрд. долл. США при курсе 82 иены за долл.). Проблема заключается в том, что Япония, стоящая на пороге кризиса государственных финансов, делает все возможное для сокращения бюджетных расходов и постоянно ставит перед партнером вопрос об уменьшении своих обязательств.

В декабре 2010 г. стороны пришли к соглашению о том, что начиная с 2011 фин. г. Япония продолжит выполнять свои финансовые обязательства по базам в течение следующих пяти лет на текущем уровне. Вместе с тем, уступая требованиям японской стороны, США согласились на постепенное сокращение численности японского персонала баз, а также на снижение японской доли расходов на жизнеобеспечение баз с 76 до 72%.

Одной из сложных проблем союза продолжает оставаться вопрос о передислокации базы Футэмма на Окинаве. Принципиальное решение о передислокации базы морской пехоты Футэмма в город Хэноко на севере Окинавы было принято в 2006 г. с целью облегчить положение жителей близлежащих районов, страдающих от шума и иных рисков в связи с полетами вертолетов в непосредственной близости от городских

кварталов. Достигнутая договоренность явилась результатом более тринадцатилетних переговоров, ход которых периодически осложнялся различными инцидентами с участием американских военных. В числе последних – изнасилование японской школьницы американским военнослужащим в 1995 г., а также падение американского военного вертолета на территорию университетского городка в 2004 г. Договоренность, получившая название «дорожной карты», носила характер пакетной сделки и предполагала передислокацию базы в менее населенный район острова, включая строительство там нового аэродрома, а также одновременный вывод 3-го экспедиционного корпуса морской пехоты (8 тыс. военнослужащих) с Окинавы на о-в Гуам. Реализация плана позволила бы сократить американское военное присутствие на Окинаве и ослабить бремя префектуры, связанное с размещением американских войск на острове (на Окинаве, площадь которой составляет около 1% площади Японии, размещено 65% от общего числа американских войск, расквартированных в стране). Япония брала на себя обязательство покрыть около 60% от общей суммы расходов на передислокацию базы, по тогдашним оценкам составлявших около 10,3 млрд. долл.

Наибольшую проблему для японского правительства представляла позиция местных властей города Хэноко, которые под давлением общественного мнения выступили против данного плана (по закону для его реализации требуется согласование с местным муниципалитетом). Во многом по причине того, что альтернативного варианта с переносом базы на территории Японии найти не удалось, правительство Ю. Хатояма ушло в 2010 г. в отставку. Не было найдено взаимоприемлемого решения и при правительстве Н. Кан, которое сосредоточилось на первоочередных задачах по восстановлению страны после природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г.

В результате вопрос о передислокации базы Футэмма, ставший «острым шипом» в двусторонних отношениях, перешел по наследству пришедшему ему на смену в августе 2011 г. кабинету Ё. Нода. Его глава фактически оказался в безвыходном положении. Оставлять его в замороженном состоянии стало недопустимым по той причине, что это поставило бы под удар проводимую США реформу системы военного присутствия в Западной части Тихого океана, одним из ключевым пунктов которой является перевод на Гуам части морской пехоты, расквартированной на базах в Японии. Нужно было срочно выводить отношения с партнером по союзу из состояния спячки и перед лицом угроз, непосредственно затрагивающих интересы военной безопасности страны. Степень актуальности этих угроз Япония смогла оценить в период 2010–2011 гг., когда напряженность в близлежащих районах становилась все более острой. Именно в этот период произошел инцидент с китайским рыболовным судном в районе островов Сэнкаку и обострилась ситуация на Корейском полуострове (обстрел острова Ёнпхэндо, испы-

тание ракеты-носителя в КНДР и проч.) Свою роль играли и внутривнутриполитические причины: ДПЯ, катастрофически теряющей поддержку избирателей, срочно потребовались внешнеполитические успехи в преддверии новых парламентских выборов.

Однако реализация «дорожной карты» 2006 г. сталкивалась с большими трудностями из-за ее неприятия местной общественностью, мнение которой ДПЯ, пришедшая к власти на волне популизма, игнорировать не могла. В Японии не удалось найти ни одного места, где местные власти оказались бы готовы дать согласие на размещение базы. К тому же план 2006 г., предполагающий строительство вертолетной базы и иных дорогостоящих объектов военной инфраструктуры, столкнулся с оппозицией внутри американского конгресса. Три влиятельных сенатора (Карл Левин, Джон Мак-Кейн и Джим Вебб) в мае 2011 г. выступили с заявлением о том, что реализация плана влечет слишком большие расходы для американских налогоплательщиков, в связи с чем следует подумать о перемещении базы на уже имеющиеся на Окинаве военные объекты, например, на военно-воздушную базу Кадэна. Сенат, от решения которого зависит финансирование плана, передал его на независимую экспертизу в один из неправительственных «мозговых центров» – Центр стратегических и международных исследований. Между тем мэр города Кадэна заявил о решительном отказе местной власти давать согласие на передислокацию. Свои сомнения в целесообразности переноса базы морской пехоты в Кадэна, которая в этом случае стала бы выполнять несвойственные ей функции, высказали и в Пентагоне. На этом фоне американцы к концу 2011 г. пришли к выводу о том, что «топить» японского партнера за невыполнение старых договоренностей будет политически нецелесообразно, а потому следует срочно искать взаимоприемлемый вариант выхода из патовой ситуации.

В феврале 2012 г. США и Япония пришли к соглашению о том, чтобы рассматривать вопрос о передислокации базы отдельно от более широкого вопроса о сокращении и оптимизации американского военного присутствия в Японии, включая тему вывода американских морских пехотинцев. В тексте принятого 8 февраля совместного заявления правительства США и Японии говорилось о том, что план передислокации в Хэноко «остаётся единственным реалистичным решением». Однако вне связи с передислокацией базы было принято решение о переводе 4 тыс. морских пехотинцев с базы Футэмма на военные объекты США в различных точках бассейна Тихого океана, включая Австралию (Дарвин) и Гавайи.

30 апреля 2012 г. в Вашингтоне состоялась первая за последние три года официальная встреча на высшем уровне между премьер-министром Японии Ё. Нода и президентом США Б. Обамой. Большой перерыв между саммитами во многом связывается с застоем в политических отношениях между Токио и Вашингтоном, который наметился после

прихода в Японии в 2009 г. к власти правительства Демократической партии. Его первый глава Ю. Хатояма провозгласил приоритет азиатского направления во внешней политике, рассматривая его в качестве противовеса традиционному курсу на безоговорочную поддержку США на международной арене. Однако Ю. Хатояма так и не смог выполнить взятые на себя обязательства по решению вопроса о передислокации базы Футэмма, что явилось причиной самого серьезного похолодания в японо-американских связях за весь период существования союза.

Визит японского премьера в США проходил в обстановке нарастающего в Японии внутривнутриполитического кризиса, связанного с жестким противостоянием в парламенте правящей партии и оппозиции, силы которых оказываются примерно равными. Этот кризис максимально суживает возможности Нода для дипломатического маневра и принятия неких прорывных решений. На этом фоне первоочередная задача обоим партнерам заключалась в том, чтобы вывести проблему передислокации из центра повестки дня стратегических отношений и придать ей в какой-то степени «периферийный» характер. Это позволило бы привести стратегические отношения двух стран в равновесное положение, создать некий «нулевой баланс» с тем, чтобы на следующем этапе появилась возможность наполнить их позитивной повесткой.

27 апреля, т. е. перед самым началом саммита, правительства двух стран выработали общее заявление с оценкой «дорожной карты» 2006 г. В документе говорилось о том, что план передислокации базы должен соответствовать четырем критериям: быть эффективным в оперативном, жизнеспособным в политическом, ответственным в финансовом и значимым в стратегическом отношениях⁴.

В заявлении содержалось важное добавление по отношению к предыдущей редакции: план передислокации оценивался в качестве единственного реалистичного решения, «существующего на данный момент». Иными словами, нынешнее совместное заявление оставляет возможность изучения и принятия прочих вариантов передислокации. Очевидно, в основе данной формулировки лежит ясное понимание того, что план перевода базы в Хэноко (Кэмп Шваб) в условиях протестов общественности явно не соответствует тому, чтобы быть «жизнеспособным в политическом отношении». Вместе с тем указание на «единственную реалистичность» данного плана, по мнению газеты The Japan Times, отражает скептицизм официальной точки зрения по поводу предложений американских сенаторов относительно перевода базы в Кадэну⁵. Кроме того, заявлением подтверждался принятый в 2009 г. верхний предел расходов, которые надлежит нести японской стороне в связи с передислокацией морских пехотинцев на Гуам – 2,8 млрд. долл. США⁶.

⁴ The Japan Times.01.05.2012.

⁵ Ibid.

⁶ Майнити симбун. 02.05.2012.

Результатом прошедшего саммита между лидерами США и Японии явилось совместное заявление под заголовком «Общее видение будущего», ставшее первым подобного рода документом начиная с 2006 г. В заявлении утверждается, что японо-американский союз стал в результате своего развития «комплексным партнерством, которое вносит свой вклад в мир и стабильность в АТР». Военно-политический союз характеризуется как «краеугольный камень мира, безопасности и стабильности в АТР». В заявлении декларируется, что «Япония и Соединенные Штаты обязуются реализовать взятые на себя обязательства путем использования широкого диапазона возможностей по поддержанию регионального и глобального мира, процветания и безопасности»⁷.

В заявлении содержалось указание на то, в каких направлениях стороны будут развивать сотрудничество двух стран в области безопасности. Для Японии это курс на развитие «динамичной обороны», в рамках которого «силы самообороны» должны укреплять свой потенциал в области раннего предупреждения и сбора разведывательной информации в районе островов Нансэй и на Окинаве. Этот курс был зафиксирован в «Основных направлениях Программы национальной обороны», опубликованных еще в декабре 2010 г. в Японии. Декларированный в них переход от «базовой» к «динамичной» обороне призван обеспечить более гибкий ответ на внешние военные угрозы, в числе которых были названы рост военной мощи Китая, усиление активности его военно-морского флота в Восточно-Китайском море, а также ракетно-ядерная программа Северной Кореи. В соответствии с концепцией «динамичных возможностей» «силы самообороны» Японии должны быть готовы к реагированию на самый широкий спектр угроз, включая теракты, провокации и иные формы нападения как в традиционных сферах (морские и наземные пространства), так и в космосе и киберпространстве. Главный упор в программе модернизации «сил самообороны» будет сделан на укрепление потенциала береговой охраны в Восточно-Китайском море, в котором, как предполагается, Китай разместит свой модернизированный авианосный флот.

В заявлении по итогам японо-американского саммита 30 апреля 2012 г. отмечалось, что США будут придерживаться планов передислокации частей морской пехоты на Окинаве, Гуаме, Гавайях и Австралии с целью обеспечения наиболее эффективной в оперативном отношении системы их размещения в регионе⁸. Нода и Обама подтвердили действенность соглашения о передислокации базы и выводе за пределы Окинавы 9 тыс. американских морских пехотинцев, включая передислокацию 5 тыс. военнослужащих на о. Гуам⁹. Еще одним шагом, призванным

снизить нагрузку на Окинаву в связи с размещением военных баз США, явилась договоренность двух лидеров о том, чтобы закрыть пять военных объектов к югу от базы Кадэна и передать в три этапа освободившуюся землю ее владельцам¹⁰.

Вместе с тем отсутствие в итоговых документах саммита указания на конкретный план передислокации базы Футэмма вызывает в Японии большое недовольство. Это означает, что база в течение неопределенного срока продолжит функционировать на старом месте, что, по мнению многих, станет для Японии наихудшим среди всех возможных сценариев. Масла в огонь подлило то, что правительства Японии и США в своем совместном заявлении выразили намерение активно проводить в жизнь проекты по обновлению базы Футэмма. В японской печати сообщалось о том, что США уже представили на рассмотрение японской стороны план по обновлению базы стоимостью 20 млрд. долл., рассчитанный на 8 лет начиная с 2012 фин. г.¹¹

Длившийся несколько лет кризис в двусторонних отношениях был преодолен. Оставив вопрос о передислокации базы открытым, Токио и Вашингтон, безусловно, не избавились от раздражителя в отношениях, однако за счет его отделения от проблемы вывода войск за пределы Японии им удалось перевести его на задний план, придав ему статус тлеющего, но не полыхающего конфликта. Стороны фактически договорились о том, чтобы отложить решение вопроса по передислокации на неопределенный срок, что позволяет им сосредоточиться на первоочередных задачах развития союзных отношений.

Среди этих задач – необходимость ответа на вызовы, связанные с военным и экономическим подъемом Китая. Хотя Китай в официальных документах саммита не позиционируется в качестве непосредственного источника военной угрозы, японский премьер и американский президент обсудили конкретные вопросы стратегического сотрудничества в рамках пресловутой политики «огораживания» Пекина. В их числе – объединение финансовых ресурсов двух стран для создания системы боевой подготовки и проведения совместных учений на Гуаме и одном из северных островов Марианского архипелага. Было решено, что одно из подразделений «сил самообороны» будет на постоянной основе размещено на острове Тиниан для ведения совместной подготовки.

Обсуждался также вопрос о том, чтобы Япония предоставила Филиппинам по линии ОПР несколько патрульных кораблей береговой охраны. Данный вопрос получил особую актуальность в свете обострения в апреле 2012 г. ситуации в Южно-китайском море, связанной с территориальными претензиями Китая в отношении Филиппин. Хотя передача кораблей противоречит ограничениям на экспорт вооруже-

⁷ Йомиури симбун. 02.05.2012.

⁸ The Japan Times. 04.05.2012.

⁹ Йомиури симбун. 02.05.2012.

¹⁰ Майнити симбун. 02.05.2012.

¹¹ The Japan Times. 01.05.2012.

ний, она может состояться, если будет представлена как действие, направленное на поддержание мира и международной безопасности. В любом случае тема экспорта военных судов, равно как и направления воинских контингентов для «обучения» за пределы Японии, ставшие предметом обсуждения в ходе саммита, затрагивают крайне щекотливую тему интерпретации девятой статьи Конституции Японии. Однако достижение конкретных договоренностей однозначно свидетельствует о том, что курс Токио на максимально свободную интерпретацию этой статьи, проводимый на протяжении более чем двух последних десятилетий, остается неизменным.

Нода и Обама провели обмен мнениями по вопросу о ситуации в КНДР, отметив важность взаимодействия с целью предотвратить новые провокации со стороны Пхеньяна (речь шла о неудачном запуске космической ракеты, проведенном в апреле 2012 г.) Лидеры США и Японии подтвердили на саммите намерение своих стран развивать сотрудничество в деле повышения безопасности атомных реакторов и развития альтернативных источников энергии, используя уроки, полученные в ходе преодоления последствий фукусимской аварии. Заинтересованность Японии в США как партнере в сфере безопасности на АЭС, помимо фукусимского аспекта, связана с тем обстоятельством, что Токио считает расширение экспорта своих ядерных технологий важной частью стратегии экономического роста.

Вопрос о ядерных гарантиях США продолжает оставаться достаточно острой проблемой в двусторонних отношениях. Ракетно-ядерная программа Пхеньяна, а также инцидент с китайским рыболовным траулером в сентябре 2010 г. дали основания для усиления алармистских настроений в японском общественном мнении. Тема американского «ядерного зонтика», вернее, актуальности «ядерных гарантий» в условиях изменения стратегического расклада сил, стала одной из наиболее обсуждаемых в современном дискурсе по вопросам национальной безопасности.

В контексте изменившейся военно-политической ситуации многие в Японии задаются более общим вопросом, а именно – сможет ли Япония обеспечить свою безопасность традиционными методами, т. е. через военный союз с Америкой. В отношении США стали появляться определенные подозрения по поводу возможности изменения традиционной политики Вашингтона по развитию военных союзов с «дружественными» странами, либо принятия им иных шагов, способных изменить баланс сил в регионе. Говоря более конкретно, вопрос ставится в плоскости того, пойдут ли американцы на использование ядерного оружия (или угрозу такого использования) в случае нападения на Японию, например, в рамках территориального конфликта с Китаем (вокруг Сэнкаку), либо вооруженных провокаций со стороны Пхеньяна. Несмотря на словесные заверения со стороны представителей администрации США, неоднократно звучавшие в период президентства Буша и Обамы, ответ на него

для Токио по-прежнему неоднозначен. Иными словами, Япония имеет достаточно веские основания сомневаться в готовности США идти на риск быть втянутыми в ядерный конфликт, отстаивая интересы союзников в их территориальных спорах с соседями.

Вопрос о ядерных гарантиях США имеет для Японии и внутрисполитическое измерение. Одним из ключевых предвыборных обещаний Демократической партии Японии, пришедшей в 2009 г. к власти на волне популистской политики, явилось коренное изменение места и роли Японии в рамках союза с Соединенными Штатами в сторону большей самостоятельности, придание союзу большей равноправности и открытости. При кабинете Ю. Хатояма руководство ДПЯ придало гласности достигнутые в 1960-е гг. тогдашним руководством страны секретные договоренности с Вашингтоном о транзите ядерного оружия через японскую территорию. В апреле 2010 г. министр иностранных дел Японии К. Окада выступил в этой связи с публичными извинениями и подтвердил неизменность позиции Токио в деле соблюдения «трех неядерных принципов». В этих условиях особенно рельефно проявился амбивалентный характер японского подхода к вопросам национальной обороны, проявляясь в существовании так называемой «ядерной дилеммы». Суть ее заключается в сочетании двух взаимоисключающих концептуальных подходов к решению ядерной проблемы. С одной стороны, Япония позиционирует себя как неядерная держава, несущая моральные обязательства в качестве единственной в мире страны, пострадавшей от применения атомного оружия. С другой стороны, приняв от США гарантии безопасности, она де-факто признает легитимность использования американского ядерного оружия для защиты Японии от внешнего нападения¹².

Провозглашенные демократами принципы предполагают отказ от непубличных договоренностей и перевод всей политики в сфере военной безопасности в плоскость публичных и юридически безупречных решений. Если ранее деликатные вопросы военного и военно-технического сотрудничества с США (включая ядерные его аспекты) можно было регулировать в непубличном формате, то теперь любые договоренности между союзниками стали требовать соответствующего публично-правового оформления.

В последнее время наблюдается тенденция постепенного отхода Японии от мирных положений в законодательных актах, закрепляющих ее мирный статус. Речь идет не столько о прямом отказе от 9-й статьи конституции, по которой Япония отказывается от войны как средства разрешения международных споров, сколько об интерпретации вытекающих из нее и являющихся ее продолжением нормативных документов, принципов, соглашений.

¹² Япония: полвека правления либерал-демократов. М., 2010, с. 212.

Одним из препятствий для дальнейшего развития союза американцы считают юридические ограничения на полномасштабный военный вклад Японии в развитие союза. В целом Вашингтон смирился с тем, что свою конституцию Японии изменить будет не так просто. Действительно, 9-я статья не помешала ей направить войска за пределы страны для участия в миротворческих миссиях ООН и в антитеррористической коалиции в Ираке, а с недавнего времени японские «силы самообороны» открыли в Джибути первую за весь послевоенный период военную базу за пределами Японии. Вместе с тем многие указывают на то, что миссии японских миротворцев потенциально могли бы быть гораздо более эффективными, если бы не жесткая интерпретация конституционных положений, ограничивающих их право использовать оружие исключительно целями самообороны.

Особые нарекания вызывает у США вытекающий из Конституции Японии запрет на ведение «коллективной самообороны». Вашингтон опасается, что данный запрет может стать фактором пассивности Токио в деле развития коллективных форматов безопасности в АТР, на которые США стали делать ставку в контексте военного подъема Китая. В рамках общей стратегии «окружения Китая» США стремятся создать под своей эгидой несколько сетевых структур со взаимно переплетающимся составом участников, которые бы наладили между собой взаимодействие в направлении противостояния общей угрозе (США – Япония – Южная Корея, США – Австралия – Япония – Индия, США – Филиппины – Япония). На этом фоне можно ожидать усиления со стороны Вашингтона давления на Токио в направлении дальнейшего смягчения законодательных норм, ограничивающих право страны на «коллективную самооборону».

Другой момент, не устраивающий американцев – несовершенство внутреннего японского законодательства, регулирующего военную компоненту обязательств Японии по союзу. По действующему порядку, для участия «сил самообороны» в каждой операции нужно принимать специальный закон, который подлежит ежегодному продлению, что создает большие неудобства для военного планирования. Например, в 2007 г. неспособность кабинета С. Абэ добиться принятия парламентом закона о продлении антитеррористической миссии «сил самообороны» в Индийском океане привела к острому политическому кризису и отставке правительства, затруднив выполнение Японией обязательств перед партнерами по коалиции. По мнению Вашингтона, законодательная процедура, обеспечивающая участие «сил самообороны» Японии в международных операциях, по сравнению с другими союзниками слишком сложна, в связи с чем американцы продолжают ставить перед Токио вопрос о необходимости принятия общего закона, легализующего отправку военнослужащих за пределы страны.

Япония в своих военно-стратегических отношениях с США стоит перед достаточно сложным выбором, который таит в себе существенные риски. Уместно привести мнение проф. Массачусетского Института технологии Р. Самюэlsa, который отмечал: «Если Япония предпочтет сопротивляться попыткам США вовлечь ее в “коалиции доброй воли” для проведения военных операций за пределами страны, либо откажется предоставить США свою территорию под военные базы, она рискует “быть брошенной на произвол судьбы”». Без защиты США Японии придется существенно увеличить свои военные ассигнования, либо стать самой ядерной державой. С другой стороны, объединяясь с Соединенными Штатами и заявляя о глобальной миссии Америки в обеспечении национальной безопасности, Япония рискует оказаться втянутой в войны, которые не отвечают ее выбору»¹³. Отчасти соглашаясь с американским политологом, можно говорить о проводимой Токио на протяжении нескольких десятилетий политике хеджирования рисков, требующей тонкого балансирования между курсом на продолжение глобального партнерства с Америкой и политикой обеспечения национальных интересов, которые не обязательно совпадают с определяемой Вашингтоном «генеральной линией». Исторический опыт наглядно демонстрирует специфику послевоенной политики Японии по отношению к Китаю, Ирану, странам арабского Востока, Мьянме и другим странам, по отношению к которым позиция США существенно отличалась от японской.

С учетом постепенного выхода американских войск с Ближнего и Среднего Востока, усиления восточноазиатского направления глобальной стратегии США в сфере национальной безопасности в контексте противостояния Китаю значимость Японии как ключевого военно-политического союзника Америки будет неизбежно возрастать. Однако в то же время нельзя не согласиться с проф. Токийского университета Сусуму Ямакагэ, который отмечал: «Если глобальная безопасность Японии в значительной степени обеспечивается тесными отношениями с Соединенными Штатами, то вопросы ее региональной безопасности находятся больше в плоскости ее собственной оборонной политики»¹⁴. Иными словами, Япония будет вынуждена четче определять свою линию по отношению к региональным аспектам политики обеспечения национальной безопасности в Северо-Восточной и Восточной Азии, действуя без оглядки на своего заокеанского партнера.

¹³ Samuels R. *Securing Japan: Tokyo's Grand Strategy and the Future of East Asia*. Cornell University Press, 2007. p. 151.

¹⁴ Network Power: Japan and Asia / Peter J. Katzenstein and Takashi Shiraishi, eds. Cornell University Press, 1997. p. 280.